

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.10>

Кириллина Мария Афанасьевна

**[Специфика внутреннего сюжета в драме в стихах "Долина Кёряйи" И. Гоголева](#)**

Цель исследования - выявить особенности внутреннего сюжета в тексте стихотворной драмы народного писателя Якутии И. Гоголева "Долина Кёряйи". На основе анализа сюжетостроения драмы в стихах выявляются концепты, "случайные реплики", рассматриваются сквозные образы и мотивы, которые служат раскрытию внутреннего сюжета в драме. В тексте также определяется функция хора как один из аспектов выявления сквозных мотивов в творчестве поэта-драматурга. Научная новизна исследования заключается в системном анализе "драмы поэта" как жанрового образования на материале якутского писателя. В результате доказано, что внутренний сюжет, связанный с лирическим началом и формой выражения авторского сознания, является одним из жанрообразующих признаков "драмы поэта".

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2020/8/10.html](http://www.gramota.net/materials/2/2020/8/10.html)

Источник

**[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)**

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 47-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2020/8/](http://www.gramota.net/materials/2/2020/8/)

**[© Издательство "Грамота"](#)**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

образом, изучение истоков творчества Григория Чинкова подтверждает одну из закономерностей становления литературы, выражающейся в опоре на устно-поэтические традиции этноса.

Недостаточная изученность творчества эвенкийских авторов на эвенкийском языке в настоящее время открывает перспективы рассмотрения методологических подходов при изучении поэтики художественных произведений младописьменной литературы.

#### Список источников

1. Азадовский М. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л.: Художественная литература, 1938. 293 с.
2. Варламова Г. И. (Кэптукэ) Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 373 с.
3. Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. М. – Л.: Наука, 1966. 399 с.
4. Воскобойников М. Г. Фольклор эвенков Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1967. 182 с.
5. Воскобойников М. Г. Эвенкийский фольклор. Л.: Учпедгиз, 1960. 338 с.
6. Иванова Э. В. Песнопения Григория Чинкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 204-208.
7. Кэптукэ Г. И. Эвенкийский нимчакан (миф и героическое сказание). Якутск: Северовед, 2000. 140 с.
8. Ларионова М. Ч. Древнерусская литература и фольклор: историко-культурный контекст [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ssc-ras.ru/files/files/95-100\\_Larionova.pdf](http://www.ssc-ras.ru/files/files/95-100_Larionova.pdf) (дата обращения: 08.11.2019).
9. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
10. Чинков-Эден Г. Сулакичан. Л.: Учпедгиз, Ленинградское отд-е, 1940. 50 с.
11. Эвенкийские героические сказания / сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с.

### Oral Poetical Tradition in Grigory Chinkov's Artistic Creative Work

Ivanova Elvira Vasilyevna, PhD

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg  
tekenmi@mail.ru

The paper aims to identify the role of the oral poetical tradition in Grigory Chinkov's artistic creative work at the early stage of the Evenk literature formation. The article examines Chinkov's poetical work "Sulakichan" (1940), which has not been previously investigated in domestic literary criticism. Scientific originality of the study involves justification of the proposed hypothesis that the newly written Evenk literature of the beginning of the XX century developed on the basis of folkloric traditions. The conclusion is made that the creative approach to interpreting the Evenk myths, legends and songs allowed Grigory Chinkov to create an original poetical work in his native language.

*Key words and phrases:* G. Chinkov; Evenk literature; myths; heroic legends; artistic creative work.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.10>

Дата поступления рукописи: 15.06.2020

**Цель исследования** – выявить особенности внутреннего сюжета в тексте стихотворной драмы народного писателя Якутии И. Гоголева «Долина Кёряйи». На основе анализа сюжетостроения драмы в стихах выявляются концепты, «случайные реплики», рассматриваются сквозные образы и мотивы, которые служат раскрытию внутреннего сюжета в драме. В тексте также определяется функция хора как один из аспектов выявления сквозных мотивов в творчестве поэта-драматурга. **Научная новизна** исследования заключается в системном анализе «драмы поэта» как жанрового образования на материале якутского писателя. **В результате** доказано, что внутренний сюжет, связанный с лирическим началом и формой выражения авторского сознания, является одним из жанрообразующих признаков «драмы поэта».

**Ключевые слова и фразы:** якутская драматургия; «драма поэта»; лирическое начало; внутренний сюжет; подтекст; сквозные образы и мотивы; «случайные реплики»; концепты; И. Гоголев.

**Кириллина Мария Афанасьевна**, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера  
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск  
makirillina@mail.ru

### Специфика внутреннего сюжета в драме в стихах «Долина Кёряйи» И. Гоголева

**Актуальность** темы настоящей статьи обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью драматургии И. Гоголева как целостной системы; во-вторых, необходимостью осмысления драматургических текстов народного писателя Якутии в аспекте проблемы «драмы поэта», что позволяет понять особенности поэтики драматургии писателя, процессов жанрово-родовых трансформаций и модификаций в якутской драме.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*: рассмотрение сквозных образов, мотивов и концептов в стихотворной драме И. Гоголева; выявление роли «случайных реплик» в тексте; определение функции хора в драме в стихах.

Для осмысления драмы поэта И. Гоголева в статье применяются следующие *методы исследования*: историко-функциональный, сравнительно-типологический методы и метод концепт-анализа. С помощью системного подхода осуществляется анализ стихотворных драм поэта как единой жанровой системы.

*Теоретическую базу* нашего исследования составляют труды по теории драмы В. Е. Хализева [11], по поэтике «новой драмы» З. С. Паперного [6], А. П. Скафтымова [9], монографии Д. Н. Катышевой [5], О. В. Журчевой [3], Л. Г. Тютеловой [10], посвященные проблемам авторского сознания, лирического начала в драме.

*Практическая значимость исследования.* Предложенная методика анализа может быть применена в исследовании драматургических текстов и может быть полезна для специалистов, занимающихся вопросами драматургии и театра, в интерпретации пьес при их сценической реализации. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания курсов и спецкурсов по национальной литературе в высших и средних учебных заведениях.

Драма в стихах «Долина Кёряйи» («Киэн Күөрээйи») представляет собой один из многочисленных вариантов трагедии в стихах «Утро Туймаады». Удивительна и трагична судьба этой пьесы, которая в оригинале, в том варианте, в котором представил ее автор, ставилась на сцене всего лишь один раз – в 1968 году. После премьеры спектакль оказался под запретом, рукопись первого варианта текста нами не обнаружена. Текст «Утро Туймаады» имеет около десяти вариантов, пять из которых представляют собой самостоятельные полноценные тексты с разными названиями и жанровыми обозначениями («Серебряное стремя», «Утро Лены», «Тыгын», «Великая Туймаада», «Долина Кёряйи»). Как отмечает М. И. Сергеева, наиболее близкой к первоначальному варианту текста является драма в стихах «Долина Кёряйи» [8], которая впервые издана в сборнике сочинений автора в 2015 г. [1]. Важно заметить, что вариативность в творчестве И. Гоголева – это своеобразие индивидуально-авторского стиля и метода, особого мировидения и мироощущения писателя. В драме в стихах «Долина Кёряйи» (Кёряйи – старинное название долины Туймаада, где сейчас расположен город Якутск) изображается один из важнейших и знаменательных этапов в истории якутского народа – историческая эпоха Тыгын Дархана, легендарной личности конца XVI – первой трети XVII в. При этом предание о Тыгыне в тексте И. Гоголева подвергается авторской обработке, подчиняясь законам драматургии. Следует заметить, что трансформация и модификация фольклорных сюжетов и образов наблюдаются и в поэзии автора. Сюжет о Тыгыне и его сыне Таас Уллунах интерпретируется поэтом-драматургом в поэме «Песнь о Лене» (1973), которая рассматривается В. Д. Посельской [7] и Е. М. Ефремовой [2] как метажанровое образование.

Лирическое начало, являясь доминирующим жанровым маркером драмы поэта, определяет особенности сюжетно-композиционной организации текста, что позволяет выявить внешний и внутренний сюжеты. Специфика внутреннего сюжета как характерная особенность поэтики драматургии А. П. Чехова была рассмотрена З. С. Паперным, который очень тонко выделил функции микросюжетов, деталей, повторов, «случайных реплик» в текстах драматурга-реформатора, основателя «новой драмы» [6].

Драма «Долина Кёряйи» отличается полисюжетностью и поликонфликтностью, где основной конфликт реализуется на противостоянии Тыгына (предводителя кангаласского племени якутов) и Лөгөй (Легей, предводителя борогонцев). Вторая сюжетная линия раскрывает сложные взаимоотношения Тыгына и его младшего сына Таас Уллунах (Каменная Стопа). Столкновения между Тыгynom и русскими казаками, персонафицированными в образе Уйбааскы, составляют еще одну сюжетную линию. При этом основной внешний сюжет, изображающий непростые взаимоотношения двух лидеров, возглавляющих разные якутские племена и роды, в финале уступает место внутреннему сюжету, связанному с лирическим началом, являющимся одной из форм выражения авторского сознания. В драме в стихах «Долина Кёряйи», таким образом, в едином сюжетном действии синтезируются внешний, событийный, ряд и внутренний, раскрывающий оппозицию мира и войны, любви и ненависти, гармонии и хаоса. Узловой философский конфликт драмы в стихах, повторяющийся и в поэзии, и в прозе писателя, заключается в размышлении поэта о времени, о предназначении человека и судьбе малочисленного этноса. Подобный конфликт, неразрешимый в рамках текста, формирует собственно лирический сюжет и определяет его открытый финал.

Внешний конфликт, основанный на противостоянии двух лидеров Тыгын Дархан и Лөгөй, раскрывается в диалогах-беседах, в диалогах-спорах, оформленных в тонкую иронию и аллгорию. Дальновидна и спокойна речь Тыгына в беседе с соперником о примирении: *Уһуну ундаардаан, ыраабы ырыгалаан / Урукку өспүтүн умнарбыт уолдьаста* [1, с. 85]. / досл. *Настало время забыть нам о старой обиде* (здесь и далее перевод автора статьи. – М. К.). В ответ иронично звучат слова предводителя борогонцев: *Тостубут унуох син биир дьаралыйар, / былыттаах кун ньыргийэ ыалдьар* [Там же]. / *Сломанная кость ноет, ломит ногу, в пасмурный день дает о себе знать*. Свое желание объединить разные племена Тыгын озвучивает мудро и решительно: *Субэбитин холбоон, Өлүөнэ эбэли, / Биир сүрүн үөстээх буоларбыт буоллар* [Там же]... / *Объединившись, мы с тобой, словно Лена-река, / имели бы единое русло*. Свое несогласие Лөгөй также выражает в ироничной форме: *Улуу өрүс хас да үөстээх* [Там же]. / *Великая река имеет несколько русел*. Не менее категорично и решительно озвучивает свою позицию Тыгын: *Мэнэ халлаанга икки күн сандаарбат. / Мин тойон ууһун удьуора буолабын* [Там же, с. 91]. / *На небе два солнца не светят. / Я – потомок господ*.

В словах Таас Уллунах, самого дальновидного и мудрого из сыновей Тыгына, также звучит ирония по отношению к братьям-воинам, для которых все в этой жизни определяется физической силой и расправой:

*Бөкөө ошоньор туутуттан тохтубут / Чохутун, бабатын тото сизэн баран / Ангала тураах бултаатым дикэн / Чабьланар үнү, убайдарыам [Там же, с. 73]! / досл. Говорят, глупая ворона, объевшись водяных жуков и лягушек, выпавших из верши старика Бёкё, хвастается!*

Внутренний сюжет, представленный бинарной оппозицией мира и войны, гармонии и хаоса, светлого и темного, раскрывается через образы-концепты. Концепт войны в стихотворной драме И. Гоголева связан с историческим *кыргыс үйэтэ – временами междуусобных войн*. Данный концепт в тексте реализуется за счет употребления слов, связанных, в первую очередь, с боевыми оружиями (*батас, батыяа – меч, пальма, куйах – щит, кольчуга, ох – лук, онобос – стрела, кэһэх – чехол для стрел лука*). Свою многострадальную жизнь с суровым Тыгыном Аан Далбар определяет лаконичным и точным сравнением *неразлучны, как щит и пальма (куйахтаах батас курдук бииргэбит)*. Концепт войны определяется также выражением *кыа хаан – алая кровь*. Заглядывая в чаши для кумыса, удаганка Таалай Удабан бессвязно бормочет: *Кымыс буолбатах, кыа хаан! / Үрүң илгэ буолбатах, өһөх хаан [Там же, с. 81]! / Это не кумыс, а алая кровь! Это не молочная пища, а сгусток крови!* Атмосфера предчувствия неведомого времени, грядущего часа расплаты передается частым повторением выражения *суо хаан күн* (букв. *знаковый день*), боевого клича *Кутаалыма!*, звуками старинных ритуальных инструментов *табык* и *дыба*, отмеченных в ремарках. Несмотря на то, что боевые столкновения, кровавые походы Тыгына происходят во внесценическом времени и пространстве, упоминаясь лишь в диалогах и монологах, они создают атмосферу напряженности и сгущенности событий.

Бинарное представление о мире позволяет автору использовать элементы поэтики романтизма, романтического двойничества. Тема двойничества разворачивается в противопоставлении Тыгына и его младшего сына Таас Уллунах. Героями-двойниками выступают также дочери Тыгына Хаачылаан и Тыаһааны. Персонажи, которые выбрали для себя путь войны: Тыгын и его старшие сыновья Чаллаайы, Бөдьөкө, Хаачылаан, верные воины Бөбүл Бөбө, Анньыһар Боотур, – несут в себе разрушающее начало. Так, бесстрашием и храбростью отличается речь Хаачылаан, младшей дочери Тыгына: *Мин сэргии истэбин кыргыс дьоннорун / Өрөгөйдүүр да, өлөр да үөгүлэрин, / Мин таптыы көрөбүн сытыы батастар / Күн уотугар кырыктаахтык кылбачыһалларын [Там же, с. 82]! / Мне по душе / победоносный и смертельный крик воинов, / Я люблюсь, как злобно сверкают на солнце / Острые мечи и пальмы.*

Позиция мира и гармонии представлена в образах Аан Далбар, Таас Уллунах, Тыаһааны и Бэрт Хара. Концепт МИР актуализируется в словах *алаас – поляна, окруженная лесом, үрүң илгэ – молочная пища, кымыс – кумыс, чороон – сосуд для кумыса, куйуур – рыболовный сак*. Старшая дочь Тыгына Тыаһааны, в отличие от сестры-воительницы, олицетворяет образ хранительницы домашнего очага: *Онобос үһуурбат, / Батыяа лынгыны охсунат сиригэр, / Бүкүчээл, чуумпу алааска / Бүгэн олоруохтун баҕарабын [Там же, с. 81]. / Хочу жить укромно я / в тихом алаасе, / где не слышен свист стрел, / где не слышен звон мечей*. Тихую, размеренную жизнь предпочитает и Бэрт Хара, супруг воинственной Хаачылаан: *Токур батыяаны өрө уунуохтааҕар / Токур мас куйууру өрө туппунтум ордук [Там же, с. 136]. / Предпочту свой кривой рыболовный сак кривому боевому мечу или Тойон чороонтон кыа хааны иһизхинээбэр / Туос тордуйаттан сөрүүн ууну иһизм [Там же, с. 139]! / Лучше выпить прохладную воду из берестяной посуды, чем сгусток крови из господского чороона!*

В прощальной речи Тыгына с умирающей Аан Далбар еще раз подчеркивается бинарность концептов ВОЙНА и МИР: *Барыбыт эн курдук кымыс баһар / Бадьаа хамыйах буолбунт буоллар, / Ханнык эрэ хара санаалаах кэлэн / Хампы үктээт уокка бырабыах этэ... / Онон ким эрэ көңүлү көмүскүүр / Оһоллоох батас буоллабына сатанар [Там же, с. 142]. / Если бы мы все были, как ты, / деревянным ковшем для кумыса, / напад бы на нас кто-то с темной душой / и бросил бы нас в горящий костер... / Придется кому-то из нас / стать боевым мечом в защиту нашей свободы*. Таким образом, поэту-драматургу удалось глубоко и в то же время тонко изобразить трагизм и драматизм эпохи междуусобных войн *кыргыс үйэтэ*, неоднозначность характера легендарной личности, которой суждено выбрать путь войны и насилия, путь самопожертвования во имя свободы и мира.

Сложным внутренним конфликтом отмечен образ молодого Таас Уллунах, который отказывается пройти инициацию в воины, тем самым первым нарушив законы, установленные его отцом Тыгыном. В речи Бөбүл Бөбө, старшего зятя и верного воина Тыгына, проклятого за роковую ошибку, приведшую к смерти Таас Уллунах, также выявляется противопоставление образов меча и посоха, актуализирующих концепты ВОЙНА и МИР: *Илбистээх батыяабын кизэр элитэбин! ...Токур мас тайахтанан арай / Туора хаамабын, мантан барабын [Там же, с. 123]! / Бросаю свой кровавый меч! ...ухожу я, опираясь о кривой посох!* Не менее драматично и трагично представлен образ воина Анньыһар Боотур, отвергнутого воинственной Хаачылаан и умершего от удара своего ножа со словами: *Кырыбын зийгин / Кыргыс үйэтин! Кырыыс үйэтин [Там же, с. 141]! / Проклинаю тебя, век войн! Проклятый век!* В финале, таким образом, желание враждующих племен объединиться в единый союз, отказ боотуров от *кыргыс үйэтэ* приводит к завершению междуусобных войн. Но при этом не происходит окончательного разрешения драматического конфликта, который остается открытым, подразумевая выход за рамки текста.

Скрытый, второй план действия драмы в стихах «Долина Кёрайи» составляют «случайные реплики», сквозные образы и мотивы, соотносимые с внутренним сюжетом и формирующие подтекст. Особым драматизмом и трагизмом окутана тайна смерти Таас Уллунах, младшего сына Тыгына, в которой особую роль играет мотив случайности, связанный с классическим приемом переодевания. В качестве примера «случайной реплики» можно привести слова Аан Далбар во втором действии первого акта: *Төрөнөй оҕо сонун дьэрэкэнэ / Тоҕо баҕас үчүгэйэй [Там же, с. 93]! / досл. Какая нарядная шуба у Төрөнөй! Смысл данной*

реплики раскрывается в следующем действии, когда один из боотуров, зять Тыгына, убивает спящего Таас Уллунах, приняв его за сына Лөгөй. И причиной роковой ошибки является именно шуба Төрөнөй, которую в знак благодарности за предупреждение о нападении Лөгөй подарил младшему сыну Тыгына. В тексте функцию предупреждения о надвигающейся беде выполняет также ремарка «кричит ворон» в момент получения Таас Уллунах из рук соперника необычного подарка. При этом преднамеренность или случайность данного поступка хитроумного Лөгөй остается неразгаданной тайной.

В текстах поэта-драматурга особой функцией наделены сквозные образы, к которым следует отнести образы шаманов и удаганок, выполняющие роль медиума, посредника между мирами и способствующие углублению и расширению пространственной организации текста. Камлание и сновидение удаганки Таалай Удабан, ее бессвязные реплики и высказывания отсылают к внутренним смыслам текста, которые требуют раскодировки. Сон-предупреждение удаганки связан с внутренним сюжетом драмы и усиливает внутренний конфликт в сознании воинственного и могущественного Тыгына, который впоследствии отказывается от пути воина.

В творчестве И. Гоголева следует также выявить сквозные мотивы, актуализирующиеся не только в драматургических, но и в лирических и прозаических текстах: мотив предназначения человека, мотив вечной любви как источника жизни, мотив свободы, что позволяет говорить об эстетическом, нравственно-философском единстве художественного мира писателя, целостности его авторской картины мира. При этом под свободой понимается не столько физическая, сколько внутренняя, духовная свобода, определяющая гармоничное и полноценное существование личности. В реализации сквозных мотивов особая роль отводится образу хора, усиливающему лирическое начало текста. С активизацией и эволюцией лирического элемента связывает Я. Л. Забудская функцию хора в древнегреческой трагедии [4]. Исследователь выделяет обращение как одну из организующих единиц, формирующих структуру большинства хоровых песен [Там же, с. 17].

Первое действие драмы в стихах И. Гоголева начинается с пения хора, обращения к Долине Кёряйи: *Ытык Күөрээйи, Киэн Күөрээйи! / Ыллана илик ырыа буолабын* [1, с. 64]. / *Великая Кёряйи! Долина Кёряйи! / Ты – неспетая песня*, в котором автор выражает почтение и уважение к неизведанной глубине исторической местности, хранящей тайны старинного прошлого. Долина Кёряйи в данном случае выступает образом места, объединяющим прошлое, настоящее и будущее. Тыгын Дархан свою прощальную речь, исповедь (кэп туонуу), адресованную будущим потомкам, озвучивает, обращаясь к Долине Кёряйи. Именно с образом Кёряйи связана тема свободы и вечной любви, воспеваемая в песнях хора: *Көнгүлү көрдөөн күөх былгыт устар, / Көнгүлү албаан күөрээйи ыллыыр, / Көнгүлү күүтэн, көнгүлү көрдөөн / Киэн Күөрээйи үөһэ тыыммахтыыр* [Там же, с. 132]. / *букв. В поисках свободы плывет синее облако, жаворонок воспевает свободу, в ожидании и поиске свободы вздыхает Долина Кёряйи или: Тапталтан үөрэн күн өрө көтөр, / Таптал өллө да, күн эмиэ өлөр, / Кэрэ таптал симэх отунан / Киэн Күөрээйи кизгэнэр буолаар* [Там же, с. 142]! / *букв. Солнце встает, радуясь любви, без любви умирает солнце, душистым цветком прекрасной любви, Долина Кёряйи, расцветай!*

Драма в стихах завершается пением хора, благословляющим священную местность Кёряйи и ее жителей, определяя кольцевую композицию: *Оо, Киэн Күөрээйи! Улуу Күөрээйи! / Одун оноһуун эйиэнэ үрдүк, / Эттигэн хомуһуг тыгынаабын тухары / Эн эмиэ өлбөт тустааххын* [Там же, с. 155]! / *О, Долина Кёряйи! Великая Кёряйи! Миссия у тебя священная, куда звучит твой звонкий хомус, бессмертна твоя судьба!* Хор в данном случае носит характер комментариев, размышлений на вечные темы, уточняющих внутренний сюжет драмы. Применение техники лейтмотивов в лирике хора является одним из средств создания сюжетно-композиционного единства. Интерпретация идейно-эстетического содержания посредством системы символов и лейтмотивов подчеркивает как драматичность конфликта, так и лирическую тональность текста.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Внутренний сюжет, обусловленный лирическим началом и формой выражения авторского сознания, является одним из жанрообразующих признаков драмы поэта. Внутренний сюжет драмы в стихах «Долина Кёряйи» раскрывается через образы-концепты ВОЙНА и МИР. При этом «случайные реплики», сквозные образы и мотивы, актуализирующие внутренний сюжет, составляют скрытый, второй план действия и формируют подтекст. С внутренним сюжетом связан также образ хора, реализующий сквозные мотивы и усиливающий как драматическое, так и лирическое начало стихотворной драмы. Многоплановость и усложненная структура сюжета обусловлены синкретичным характером текста, сочетающего в себе драматическое и лирическое. Анализ стихотворных драм И. Гоголева с точки зрения выявления внутреннего сюжета, связанного со скрытыми смыслами и подтекстом, позволяет обосновать жанрово-стилевое, индивидуально-авторское своеобразие драмы поэта как сложного жанрового образования, тяготеющего к метажанровости.

Исследование намечает **перспективы дальнейшей разработки** проблемы, ее расширения и возможность применения полученных результатов к творчеству других авторов. Более детального изучения требуют вопросы функционирования микросюжетов, ремарочного комплекса в тексте, а также сравнительный и комплексный анализ стихотворных драм И. Гоголева как целостной системы, выявляющий особенности индивидуально-авторского стиля и творческого метода поэта-драматурга.

#### Список источников

1. Гоголев И. М. Айымньылар: 5 т. / хомуйан онордо М. Ушниция. Дьокуускай: Бичик, 2015. Т. 5. Драмалар. 224 с.
2. Ефремова Е. М. Мифопоэтическая картина мира в поэзии И. М. Гоголева: специфика архетипических образов (Великая гора, Мировое дерево) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 21-24.

3. Журчева О. В. Автор в драме: формы выражения авторского сознания в русской драме XX века. Самара: Изд-во СГПУ, 2007. 418 с.
4. Забудская Я. Л. Функциональное значение хора в жанровой структуре греческой трагедии: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2011. 26 с.
5. Катъшева Д. Н. Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр. СПб.: СПбГУП, 2001. 208 с.
6. Паперный З. С. «Вопреки всем правилам...»: пьесы и водевили Чехова. М.: Искусство, 1982. 285 с.
7. Посельская В. Д. Цикл-поэма «Песнь о Лене» как метажанровая форма в индивидуально-авторском творчестве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 41-44.
8. Сергеева М. И. Иван Гоголев «Гуймаада сарсыардата» трагедията сурулуутун историята (варианнарын текстологической ырытыы) // Проблемы творчества И. М. Гоголева: проза, поэзия, драматургия: коллективная монография. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2004. С. 156-177.
9. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения / сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов. М.: Высш. шк., 2007. 535 с.
10. Тютелова Л. Г. Драматический сюжет и проблема автора как субъекта творческой деятельности в драме // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. № 2 (10). С. 158-169.
11. Хализев В. Е. Драма как род литературы: поэтика, генезис, функционирование. М.: МГУ, 1986. 260 с.

### Specificity of Inner Story in the Poetical Drama “Keryai Valley” by I. Gogolev

Kirillina Maria Afanasievna, PhD

*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk  
makirillina@mail.ru*

The article considers specificity of inner story in the poetical drama of the people’s writer of Yakutia I. Gogolev “Keryai Valley”. The paper focuses on peculiarities of the story development. The researcher identifies concepts, “random replicas”, examines recurrent images and motives, which serve to develop inner story. The function of a chorus is revealed in the context of identifying recurrent motives in the poet’s creative work. Scientific originality of the study involves a systemic analysis of the “poet’s drama” genre by the material of I. Gogolev’s poetical texts. The conclusion is made that inner story, associated with lyrical element and the author’s modality, is a genre-formative feature of the “poet’s drama”.

*Key words and phrases:* Yakut dramaturgy; “poet’s drama”; lyrical element; inner story; subtext; recurrent images and motives; “random replicas”; concepts; I. Gogolev.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.11>

Дата поступления рукописи: 16.05.2020

*Цель исследования* – дать обзор развития башкирской литературы XX века. В статье раскрывается процесс создания единого литературного пространства начиная с 1920-х годов, поэтапно обрисовываются жанровые, идейно-тематические, композиционные, мировоззренческие концепции, которые подвергаются тем или иным изменениям. Трансформация национальной литературы связана, прежде всего, с изменениями на идеологическом уровне, с усилением контроля государства над культурным пространством. **Научная новизна** заключается в попытке показать, что развитие башкирской литературы XX века неоднородно ввиду духовных запросов советского общества и власти в ту или иную эпоху, к примеру, запросов на художественный образ, жанр, тематику и проблематику. **В результате** показано, как меняются функция литературного слова в обществе, поэтика, содержание художественных произведений, жанровое доминирование и т.п.

*Ключевые слова и фразы:* башкирская литература XX в.; литературный процесс; эволюция художественного образа; жанровые нормы; поэтика.

Хужахметов Айну́р Оска́рович, к. филол. н.

Султанова Зи́ля Азатовна

*Башкирский государственный университет, г. Уфа*

*khuzha@mail.ru; zilya\_sultanova\_96@mail.ru*

### Башкирская литература XX века: вехи развития поэзии, прозы и драматургии

Поставленная цель подразумевает раскрытие следующих **задач**: охарактеризовать идеологический и номенклатурный нажим, повлиявший на башкирскую литературу 1920-1930-х годов; раскрыть тематику и проблематику произведений военной и послевоенной поры, показать перипетии трансформации национальных произведений 1950-1990-х годов.